

ИНИЦИАЦИЯ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО ОПЫТА В РОМАНЕ ДЖОНАТАНА ФОЕРА «ЖУТКО ГРОМКО И ЗАПРЕДЕЛЬНО БЛИЗКО»

А. Ю. Пупина

Белорусский государственный университет, г. Минск;

alesya.pupina@mail.ru;

науч. рук. – А. М. Бутырчик, канд. филол. наук, доц.

В данной статье исследуется роль травматического опыта и его реализация в романе американского автора Джонатана Сафрана Фоера (Jonathan Safran Foer, b. 1977) «Жутко громко и запредельно близко». (*Extremely Loud and Incredibly Close*, 2005). Помимо репрезентации травмы в фокус данной работы попадают способы преодоления воздействия травматического опыта, предлагаемые литературой. На примере романа «Жутко громко и запредельно близко» исследуется инициационная схема, которая позволяет проследить процесс перерождения человека, ощущающего на себе воздействие травматических событий. Инициация в данной работе рассматривается как часть индивидуации, подразумевающей поиск утраченной Самости в результате полученной травмы и дальнейшее воссоединение с ней.

Ключевые слова: индивидуация; инициация; травматический опыт; trauma studies.

Исследование роли травматического опыта и его реализация в художественных текстах на сегодняшний день является актуальным направлением в литературоведении и ведущей темой в мировой литературе. Область знаний, получившая название *trauma studies*, активно развивается с 90-ых годов XX века и предполагает междисциплинарный подход к изучению травмы и травматического опыта. В качестве главных теоретиков, активно разрабатывающих свои концепции в рамках *trauma studies*, можно назвать К. Карут [5, 6], Ш. Фелман [7], Д. Лауб [7], Д. ЛаКарпа [9] и т.д. Помимо репрезентации травматических событий и их воздействия в фокусе данной области знания оказываются и возможные способы преодоления травмы и ее переосмысления.

Условия изменчивости мира и, как следствие, его травмирующее воздействие на личность, заставляющее человека адаптироваться и находиться в постоянном поиске себя, становятся предметом изображения в произведениях искусства. *Trauma studies* в литературоведении направлены на исследования, посвященные как индивидуальной, так и коллективной травме, выраженной в художественной форме. Стоит отметить, что наряду с проблемой травмы и формами освоения травматического опыта возникает и проблема памяти, возвращающая травмированного человека к событиям и непрерывному переживанию травмы, тем самым усложняя процесс её преодоления. Травма – деструктивный опыт, будучи не до конца осмысленным потрясением в прошлом, продолжает преследовать человека в настоящем. Американская исследовательница К. Карут в работах «Невостребованный опыт: Травма, нарратив и история» (*Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History*, 1996) [6] и «Литература на пепелище истории» (*Literature in the Ashes of History*, 2013) [5], продолжая

традицию З. Фрейда в изучении травмы, уделяет внимание особенностям травмированного сознания, включающего диссоциацию, дисфункцию речи, потерю памяти о травмирующем событии и невозможность построения нарратива. Травма лишает человека возможности структурировать речь, а неспособность проговорить пережитый опыт деформирует личность и значительно влияет на восприятие окружающего мира: «The story of trauma, then, as the narrative of a belated experience, far from telling of an escape from reality – the escape from a death, or from its referential force – rather attests to its endless impact on a life» [6, p. 7] (Таким образом, история травмы как повествование о пережитом опыте отнюдь не история о бегстве от реальности – бегстве от смерти, и всем, что с ней связано, – а скорее свидетельствует о ее бесконечном воздействии на жизнь [*Перевод наш. – А. П.*]).

Сломленный, травмированный человек теряет связь с реальностью, он вынужден заново ориентироваться в мире. Более того, ему приходится собирать себя по кусочкам, искать свою утраченную Самость. Согласно К. Юнгу, на протяжении всей своей жизни человек проходит процесс индивидуации, который порождает «психологического “индивида”, т.е. обособленное, нечленимое единство, некую целостность» [4, с. 224]. Человек, переживший травму, идентифицирует себя с ней, теряет свою идентичность. Чтобы справиться с воздействием травматических событий, человек вынужден вновь обрести себя и найти свою Самость, что оказывается конечной целью процесса индивидуации. Возвращение в общество предполагает нахождение пути к воссоединению со своей Самостью через преодоление травматического опыта и перерождение. И здесь вполне оправданно можно говорить об индивидуации через прохождение инициации, представляющей духовное становление человека, кардинальное его изменение с помощью различного рода испытаний, а также поиск своей Самости, потерянной в результате воздействия уничтожительной силы травмирующих событий.

В рамках концепта травмы следует говорить не только о формах ее репрезентации, но и способах ее преодоления. Прописывание своих чувств и пережитого прошлого позволяет человеку освободиться от травматических событий, так как боль обретает форму. Поэтому одним из вариантов преодоления травматического опыта, предлагаемых литературой, оказывается использование эпистолярной формы повествования. Помимо эпистолярная, стоит отметить использование и инициационной матрицы в художественном тексте. Литература, находясь в непрерывном поиске адекватной формы выражения изменяющейся действительности и способов репрезентации различных трансформаций личности, обращается к такой жанровой форме, как роман инициации. Роман инициации становится тем жанром, который позволяет по-новому интерпретировать внешний мир, осмыслить его фрагментарность и неопределенность, а также отобразить разрывы во внутреннем мире человека, потерявшем целостность и гармоничность. Будучи инвариантом романа воспитания, роман инициации окончательно формируется только к середине XX века, озаглавленного очередным

трагическим периодом в истории. Фокус в романе инициации смещается с процесса взросления героя, свойственного роману воспитания, на внутреннее изменение героя, его возвращение в общество в новом «образе», в качестве переродившегося человека. Персонаж, переживая утрату, глубинный кризис или потерю себя, должен быть сильным, чтобы пройти все испытания на своем пути. Разрушение окружающего мира влечет за собой и внутренние разломы, отчужденность, что в свою очередь объясняет интерес к использованию в художественной литературе моделей инициации. Инициация служит показателем готовности человека изменяться и бороться за право жить в этом мире.

Инициация обычно включает в себя три этапа. Первым этапом, получившим название *сепарация*, является отделение главного героя от привычной обстановки, разрыв с прошлой жизнью. В большинстве случаев это связано с потерей близкого человека или событиями, в корне меняющими героя и оставляющими неизгладимый отпечаток. Именно на этапе сепарации происходит экзистенциальный переворот в сознании героя и его исключение из привычного мира. Затем следует промежуточное состояние, или *лиминальность*, когда начинается процесс самой инициации, изменения прежнего героя. Лиминация оказывается кульминационной точкой развития и изменения героя и тем, что «нагружает сознание героя необходимостью решать трудные задачи и является “местовоплощением” трансмутаций неопита в зрелую личность» [2, с. 65]. После этого наступает третий этап – *агрегация*, перерождение, когда персонаж готов вернуться в общество, осуществив принятие себя, окружающих людей и случившейся ситуации, ставшей отправной точкой начала изменений. Поиск в романе инициации становится центральной сюжетной линией, на которую накладываются события, происходящие с героем на протяжении всего произведения.

Типы героев в романе инициации делятся по функциям, выполняемым по отношению к испытываемому: наставник, помощник, недоброжелатель и так далее. Большую роль в романе инициации для главного героя во время его поисков играет Наставник и Дева-Хранительница. Обязательным элементом романа инициации оказывается Наставник, являющийся для героя, с одной стороны, проводником, а с другой – близким другом, способствующим формированию его характера, проявлению сильнейших черт, помогающим герою найти себя.

Время и пространство в структуре романа инициации построены на антитезе двух миров, где «горизонтальному линейному времени конкретно-исторического профанного мира противопоставлено вертикальное нелинейное время сакрального мира» [1, с. 21]. Время может ускоряться или замедляться, что дает читателю возможность обращать внимание на самые важные моменты, которые ведут прямо к изменению главного героя. Время профанного мира лишено возможности быть измененным, оно застывшее, как камень, а в сакральном мире мы видим возможность героя преодолеть пространство и время [1, с. 21].

Воспоминания, будучи важным элементом поэтики романа, играют роль своеобразной предыстории, того «переворота», которые заставляют героя изменить себя. Они возвращают в прошлое, переосмысливая которое, герой приходит к осознанию себя в качестве нового, изменившегося человека – «другого». Стоит отметить, что воспоминания выступают для героя, проходящего инициацию, препятствиями, так как в них заключен травматический опыт, мешающий жить дальше, а также память о прошлой жизни и привычном мире, связь с чем герою очень сложно оборвать для того, чтобы продолжить инициацию.

Роман Дж. С. Фоеера «Жутко громко и запредельно близко» (J. S. Foer «Extremely Loud and Incredibly Close», 2005) представляет собой точку пересечения коллективной и индивидуальной травм, так как в нем затрагиваются трагические события как в истории, так и в личной жизни героев, что позволяет рассматривать его в контексте жанровой формы романа инициации. Главным героем романа является необычный ребёнок Оскар, столкнувшийся со смертью близкого человека. Помимо истории ребёнка, читатель видит трагедию целого поколения семьи мальчика. Фоном, на котором разворачиваются истории героев, становятся катастрофа 11 сентября 2001 года и бомбардировка Дрездена во время Второй мировой войны. В обоих случаях возникает оппозиция трагедии всемирного масштаба и трагедии личной, которые выступают как сюжетообразующие элементы романа инициации.

Оскар – травмированный мальчик, который переживает смерть отца 11 сентября 2001 года. Спустя год после случившейся трагедии он продолжает жить тем страшным днем, сублимируя свою боль в наставление синяков по всему телу. Помимо этого, он живет образами прошлого, боится пользоваться лифтом, общественным транспортом, высокие здания вызывают страх, а последние не отвеченные телефонные звонки его отца перед смертью становятся самым жутким воспоминанием из прошлого. Он закрывается в себе, его любимыми словами оказываются «incredibly» и «extremely» в сочетании с «lonely», «sad», «depressed». Травма, или, говоря терминологией К. Карут, рана становится его голосом: «I zipped myself all the way into the sleeping bag of myself...» [8, p. 78]» (Я застегнулся на все «молнии» внутри самого себя... [Здесь и далее перевод романа – В. А. Арканов]). Невозможность выразить эмоции и неспособность проговорить травму вынуждают мальчика застегиваться на «молнии» молчания, жить травмирующими событиями, постоянно возвращаясь в прошлое. Нахождение ключа в конверте с фамилией «Black» в вещах отца и настойчивое желание найти замок, к которому он бы подошел, оказывается для него единственной зацепкой узнать настоящую причину смерти отца. Во время своих поисков Оскар встречает важных для него людей (некоторые из них выполняют для мальчика функцию Наставника), проходит различные испытания, которые помогают ему стать сильнее и принять трагедию как нечто необратимое, что и приводит его к перерождению. Он не узнает причину смерти отца, но в конечном итоге находит себя, утраченную Самость. Более того, мальчик

перестает идентифицировать себя с травмой, он принимает свои роли сына, внука, что помогает ему преодолеть воздействие травмирующего опыта. Он перерождается повзрослевшим человеком, то есть проходит свою инициацию.

Дедушка Оскара, Томас Шелл-старший, ставший свидетелем событий бомбардировки Дрездена во время Второй мировой войны, страдает дисфункцией речи, смерть его беременной возлюбленной порождает в нем немоту. Каждый день он теряет слова, а травма разрастается внутри него, как раковая опухоль: «I never thought about things at all, everything changed, the distance that wedged itself between me and my happiness wasn't the world, it wasn't the bombs and burning buildings, it was me, my thinking, the cancer of never letting go...» [8, p. 24] (Я вообще о многом не задумывался, всё изменилось, клин между мной и моей способностью радоваться был вколочен не миром, не бомбами и не горящими зданиями, а мной самим, моими мыслями, раковой опухолью моего нежелания что-либо забыть ...). Историю Томаса Шелла-старшего, как и бабушки Оскара читатель узнает благодаря эпистолярию. Дедушка мальчика пишет письма своим сыновьям (неродившемуся и погибшему в крушении башен-близнецов), датируя их определенным днём из своей жизни. Более того, в своих письмах он рассказывает историю своей немоты: «I started carrying blank books like this one around, which I would fill with all the things I couldn't say, that's how it started, <...> instead of singing in the shower I would write out the lyrics of my favorite songs, the ink would turn the water blue or red or green, and the music would run down my legs, at the end of each day I would take the book to bed with me and read through the pages of my life» [8, p. 16] (Я начал всюду носить с собой пустые тетради, вроде этой, и записывал в них то, что не мог сказать, отсюда все и пошло <...> а вместо того чтобы петь под душем, я писал слова своих любимых песен, от чернил вода становилась синей, или красной, или зеленой, музыка стекала у меня по ногам, в конце каждого дня я укладывался с тетрадью в постель и перечитывал страницы собственной жизни). Бабушка рассказывает внуку историю своей жизни на страницах писем: «Dear Oskar, I am writing this to you from the airport. I have so much to say to you. I want to begin at the beginning, because that is what you deserve. I want to tell you everything, without leaving out a single detail. But where is the beginning? And what is everything? » [8, p. 75]. (Дорогой Оскар! Я пишу из аэропорта. Мне так много нужно тебе сказать. Я хочу начать сначала, потому что другого ты не заслуживаешь. Я хочу рассказать тебе все, не пропуская ни одной мелочи. Но где начало? И что значит все?). Каждому из героев для рассказывания своей истории с помощью писем в романе выделена глава с отдельным названием: для дедушки – «Why I'm not where you are», а бабушки – «My feelings». Для обоих героев прописывание своих чувств играет роль своеобразного терапевтического письма, которое становится одним из способов борьбы с травмой. С помощью данной нарративной стратегии каждый из героев обретает возможность проговорить свою невысказанную травму, хранившуюся внутри них на протяжении многих лет.

В конце романа можно заметить, как дедушка Оскара вместе со своим внуком откапывают пустой гроб погибшего сына и кладет туда свои письма,

запечатывая травму. Бабушка в эту ночь видит сон, как Дрезден по эффекту обратной съемки поднимается из руин. Оскар, разгадав тайну замка для ключа, в процессе поиска осознает, что не одинок в своей трагедии. Он, как и другие герои, проходит свой этап инициации и находит утраченную Самость, переставая идентифицировать себя с травмой. Иными словами, каждый из героев на протяжении повествования находит свой способ, как отпустить травматический опыт и преодолеть травму.

Периоды разломов, как внешних, так и внутренних, вынуждают ориентироваться в условиях изменчивости и неустойчивости, находить себя и двигаться дальше, принимая травматический опыт и его воздействие, поэтому сюжет посвящения, инициации становится как никогда актуальным. Герои романа инициации, переживая экзистенциальный переворот, проходят ряд испытаний, которые в конечном итоге оборачиваются для них обрядом посвящения, что позволяет им вернуться в общество в новом, переродившемся качестве. Помимо использования инициационной матрицы, предложенной литературой на уровне жанра как способа преодоления травмы, можно заметить и различные нарративные стратегии, позволяющие проговорить травматический опыт. Так, в романе «Жутко громко и запредельно близко» обряд инициации используется для демонстрации процесса прохождения героями испытаний, которые ведут к преодолению травмы и освобождению от воздействия травматического опыта прошлого, а эпистолярное наследие для героев, ощущающих себя сломленными трагическими событиями их жизни, играет роль возможности проговорить травму с помощью писем, которые становятся для них своеобразной терапией.

Библиографические ссылки:

1. *Борисеева, Е. А.* Роман инициации: проблема жанровой атрибуции / Е. А. Борисеева // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. – 2014. – № 1. – С. 20–23.
2. *Муллер, Л. А.* Социально-онтологические смыслы фольклорно-сказочной инициации. / Л. А. Муллер // Теория и практика общественного развития. – 2011. – №1. – С. 64–66.
3. *Фоер, Дж. С.* «Жутко громко и запредельно близко» [пер. с англ. В. Арканова] / Дж. С. Фоер. – М. : Эскмо, 2013 – 416 с.
4. *Юнг, К. Г.* Сознание, бессознательное и индивидуация / К. Г. Юнг // Зарубежный психоанализ: учебное пособие / сост. и общ. ред. В. М. Лейбина. – СПб: Изд-во «Питер». 2001. – С. 224–242.
5. *Caruth, C.* Literature in the Ashes of History / C. Caruth – Baltimore : John Hopkins University Press, 2013.
6. *Caruth, C.* Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History / C. Caruth – Baltimore : John Hopkins University Press, 1996.
7. *Felman, Sh.* Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis, and History / Sh. Felman, D. Laub. – N.Y. : Taylor & Francis, 1992. – 294 p.
8. *Foer, J. S.* Extremely loud & incredibly close / J. S. Foer. – Boston : Houghton Mifflin, 2005. – 376 p.
9. *LaCapra D.* History in transit: experience, identity, critical theory / D. LaCapra – Ithaca : Cornell University Press, 2004. – 282 p.